

Г. И. ИБРАГИМОВ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В ТУРЦИИ В XV—XVI вв.

Государство турок-османов образовалось в Малой Азии в XIII в. как государство феодальных разбойничьих завоевателей. Об этих первых турках, обосновавшихся сперва вблизи Анкары после пожалования им военнопленного владения султаном Сельджукидов, К. Маркс писал:

«*Турки-османы, фигурировавшие как огузы или уйгуры, при походе Чингиз-хана бежали ордой в 50 000 человек в горную Армению; он преследовал их даже и там; вождь их Сулейман утонул в реке. Каждый из четырех сыновей (Сулеймана) искал себе места, где бы он мог утвердиться как распорядитель ислама; один из них, Эртогрул, является основателем османского государства... При Османе храбрые турецкие разбойники устремились к крепости Кара-хисар, которая была завоевана Эртогрулом и стала центром его владычества*»¹.

В результате захватнических, грабительских войн против Византии, государств Балканского полуострова и других стран это небольшое разбойничье государство превратилось впоследствии в обширную империю. Реакционные турецкие историки, кичась прошлым Турции, усиленно восхваляют кровавых султанов, приписывают турецким феодалам «исключительные военные способности». В действительности же Османское княжество выжило и разбухло лишь в результате благоприятно сложившейся для османских феодалов исторической обстановки — падения к тому времени могущества Византийской империи, распада государства Сельджукидов, междоусобных войн внутри славянских государств на Балканах.

Османская империя вписала в летопись истории человечества мрачные страницы кровавых войн, покорения и закабаления многочисленных народов Азии и Юго-Восточной Европы. Однако с первых же лет существования военно-феодальной державы Османов в ней разворачивается борьба поработенного крестьянства против жестокого феодального гнета, установленного турецкими агрессорами на завоеванной территории. Уже в XV в. в Анатолии и на Балканах поднимается волна крестьянских выступлений, в которых принимает активное участие как турецкое крестьянство, так и целый ряд народностей, подпавших под иго турецких феодальных завоевателей.

Буржуазные историки Турции обходят молчанием факты классовой борьбы турецкого народа, имевшие место в различные исторические эпохи. Выполняя социальный заказ своих хозяев — турецкой буржуазно-помещичьей правящей клики, они скрывают или искажают подлинные истори-

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VI, стр. 170.

ческие факты, связанные с революционным движением трудящихся масс. Больше того, эти историки представляют в розовом свете военно-ленную (тимариотскую) систему землевладения Османов и вообще весь средневековый строй Турции, не желая обнаруживать в турецком феодальном обществе никаких внутренних, классовых противоречий. Они идеализируют феодальных эксплуататоров, выдавая их за «справедливых» и «добродетельных» людей. Эти лживые теории буржуазных фальсификаторов истории, естественно, не имеют ничего общего с исторической действительностью.

Для выяснения причин крестьянских восстаний в Турции XV—XVI вв. необходимо прежде всего познакомиться с формами феодального землевладения при Османах, ибо, как указывает И. В. Сталин, основой феодализма является феодальная собственность на землю¹.

Все обрабатываемые земли на территории, завоеванной турками, можно разбить на 4 основные категории:

1) государственные земли — «мири»; 2) ленные, или тимариотские, земли; 3) земли, находившиеся в частной собственности — «темлик» или «мюльк»; 4) вакуфные земли. В некоторых областях сохранилась и общинная собственность на землю.

Однако львиную долю всех земель составляли государственные земли, в число которых фактически входили и многочисленные военно-ленные владения.

Верховным собственником всей земли империи формально считался султан (как светский и духовный глава мусульман).

Опорой турецкого феодализма была ленная система, которая получила у турок значительное развитие, своеобразную регламентацию и кодификацию. Сообразно с доходностью ленных владений последние делились на два основных вида: тимар² и зеамет³ (тот и другой жаловались султанами); первые акты пожалования относятся к 1301—1302 гг.⁴.

Кроме тимаров и зеаметов, существовали еще более крупные владения — «хассы»⁵, которые жаловались только лицам, занимавшим высокие должности в империи. В этом заключалось основное отличие хассов от простых тимаров и зеаметов. Хассовые владения жаловались принцам, везирям (министрам), бейлер-беям (правителям отдельных провинций), санджак-беям (губернаторам), дефтердарам (уполномоченным по делам финансов страны) и кадыаскерам (главным судьям). Большей частью обладателями хассов были провинциальные правители в лице бейлер-беев и санджак-беев. Хассовые владения, по установившейся у турок традиции феодального землевладения и землепользования, фактически считались тоже ленными владениями, и обладатели их, чтобы не потерять своей доходной должности и «высочайшей» милости, обязаны были поставлять в армию султана полностью снаряженных и вооруженных всадников. Хассы, как и обычные ленные владения, могли быть конфискованы и отобраны в пользу казны в случае ареста или казни их владельцев.

Турецкие феодалы, обладавшие тимарами, зеаметами и хассами, строили свое благополучие на беспощадной эксплуатации крестьян, выжимая из

¹ См. И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 41.

² Тимары — земельные владения, доходность которых составляла обычно от 5 до 19 999 акче, но встречались тимары с доходностью и менее 5 тыс. акче (акче, или пиастр, аспер — мелкая серебряная монета; в XVI в. она составляла $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ франка).

³ Зеаметы — владения, обеспечивавшие доход от 20 тыс. до 99 999 акче.

⁴ Османлы-канун-намелери. Сб. «Милли тетеббюлер меджмусасы», ч. I. Истанбул, 1912, стр. 311.

⁵ Хассы — владения с доходностью свыше 100 тыс. акче.

них как можно больше прибавочного продукта и облагая их всякого рода «узаконенными» и произвольными поборами, обрекавшими крестьянство на беспросветную нужду и нищету.

Феодално-зависимые крестьяне в Турции были прикреплены к той земле, на которой работали. Турецкие феодалы являлись полными хозяевами приписанных к ним крестьян: они могли, при желании, отчуждать их без земли, продавать и покупать или обменивать на животных. Турецкие феодалы творили над крестьянами суд и расправу, используя для этой цели и религиозных судей (кади). Крестьяне должны были беспрекословно повиноваться воле феодала. В случае самовольного ухода крестьянина, феодал-сипахи имел право силой вернуть его к себе. Только по истечении полных 10 лет «дело» бежавшего крестьянина могло быть прекращено «по давности»¹. Если бежавший крестьянин поселялся в каком-либо турецком городе и начинал заниматься ремеслом, он и в этом случае не мог быть спокоен за себя: в любую минуту его могли схватить и вернуть прежнему господину. К тому же крестьянина, прибывшего в город, не сразу приписывали к городу: его могли приписать, согласно существовавшему положению, только по истечении 20-летнего срока пребывания в данном городе². Некоторое отступление допускалось лишь для столичного города Стамбула с его сравнительно развитыми ремеслом, торговлей и судоходством: здесь приписка разрешалась по истечении меньшего срока жительства.

В том случае, если крестьянин, уйдя от своего феодала, обрабатывал землю во владении другого сипахи, он все равно обязан был вносить второй «ашар» (десятину) прежнему хозяину. За «грехи» отцов феодалы наказывали и детей бежавшего крестьянина. Если отец не «возмещал причиненные убытки», то это должны были делать его сыновья и дочери, внося феодалу «ресме-бозан» и другие налоги. Они не освобождались от этого даже в случае смерти своего отца.

С целью удержания крестьян от побега был узаконен особый налог «чифт-бозан», или «ресме-бозан», взимаемый с заброшенного участка земли. Этот налог взимался в том случае, если крестьянин оставлял записанный за ним участок земли и начинал заниматься посторонними делами. Тогда за полный чифт³ взималось 300 акче ежегодно, за полчифта — 150 акче и за четверть чифта — 75 акче. Взимание налога «чифт-бозан» могло производиться только при условии, если при оставлении данной земли крестьянином не возникало перерыва в ее обработке. С целью недопущения такого перерыва разрешалось даже отдавать землю в ссуду — лишь бы она не пустовала.

Еще более жестоко преследовали турецкие феодалы бежавшего крестьянина не-мусульманина. Они заставляли его вносить дополнительный денежный налог «испендже» в сумме 25 акче⁴.

От налога «испендже» не освобождались и мусульмане в том случае, если в их руки переходило владение не-мусульман, за которое, согласно писцовой книге, нужно было вносить означенный налог (только мусульмане вносили не 25, а 22 акче).

В отдельных районах турецкие феодалы использовали в земледелии и труд рабов, проживавших, по данным турецких архивных документов, в особых селениях⁵.

¹ Оманлы-канун-намэleri. Там же, ч. 1, № 2, стр. 305.

² Законник «Канун-намэ-ал-Осман».

³ Ч и ф т — участок земли, обрабатываемый при помощи двух волов.

⁴ Османлы-канун-намэleri. Там же, ч. 1, № 2, стр. 306.

⁵ Турецкий журнал «Й кй», № 53, 1937, стр. 338—341.

Феодално-зависимые крестьяне облагались многочисленными и тяжелыми налогами. Основное место среди всех податей занимали ашар, или десятина, с мусульман и харадж (денежный и натуральный сбор) — с немусульман.

Ашар взимался обычно в размере $\frac{1}{10}$ части урожая с пшеницы, овса, проса, льна и других культур. В целях предупреждения укрытия урожая и занижения размера ашара взимание его осуществлялось под строгим контролем. Так, согласно Законнику «Османлы канун-намэлери», урожай, полученный на земле тимариота, нельзя было вывозить с гумна до тех пор, пока сам тимариот или его уполномоченные не определят размер ашара. При этом крестьяне должны были вносить ашар не в снопах, а в виде обмолоченного зерна. Лен в счет ашара вносился в виде волокна. Такой же порядок действовал и в отношении государственных земель.

Нарушение этих положений грозило крестьянину лишением земельного участка¹.

Ашар взимался также и с урожая садов и огородов. Так, «если на обрабатываемых землях тимариота имеются фруктовые деревья, то хозяин земли может взимать с них также ашар вместе с теми злаками, которые созревают в поле»². Ашар со злаков, плодовых деревьев и огородных культур можно было взыскивать только после того, как они созреют и станут пригодными к употреблению в пищу.

Ашар с кормовых трав назывался «саларийе» (фуражный налог)³.

Никто не мог быть освобожден от ашара — допускалась только замена его равноценным налогом⁴. Даже войноки (определенная часть болгарских крестьян, состоявшая на военной службе у султанского правительства), в случае приписки их к сипахи в качестве зависимых крестьян, должны были вносить ашар и саларийе в размере $\frac{1}{8}$ части урожая с посевов и фруктов, возвращенных на землях, которые были расчищены и обработаны их собственными силами.

Ашар взимался также с пчелиных ульев. Согласно Законнику «Османлы канун-намэлери», ашар с ульев принадлежит тому, на чьей земле собирается мед⁵. Ашар с меда взыскивался и с тех крестьян, которые не были приписаны к данному феодалу, а являлись лишь временными поселенцами⁶. Ашар с меда запрещалось взимать только в том случае, если пчелиные ульи содержались исключительно для удовлетворения личных нужд крестьянина и мед не предназначался для продажи. Точно так же «ашар и налог не взимаются с садов и огородов, которые удовлетворяют только собственные нужды владельцев и расположены в черте данного селения»⁷. Укрытие меда (и другого продовольствия), а также употребление его в пищу крестьянином до выполнения своих налоговых обязательств категорически запрещалось: по словам «Законника», это для крестьянина «равносильно смертельному яду. Надо сперва выполнить свой долг перед сипахи, а потом кушать»⁸. Ашар с виноградного сока взимался в размере $\frac{1}{15}$ части, а с пастилы из виноградного сока — в размере $\frac{1}{14}$ части.

¹ Османлы-канун-намэлери. Там же, ч. 1, № 1, стр. 103 и 104.

² Там же, стр. 105.

³ Там же, стр. 103.

⁴ Там же, стр. 101. «Законник» гласит: «Если в писцовой книге записано, что с садов какой-либо местности взимался ашар и владельцы их, мусульмане, ощущают трудности с внесением ашара, то они могут вносить хозяину земли налог, соответствующий ашару. А если они и этому противятся и задерживают его, то предписано по закону взимать ашар».

⁵ Там же, стр. 106.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 107.

⁸ Там же.

Ашар взимался и с рыбной ловли. В «Законнике» XV в. записано, что «раньше, согласно старым писцовым книгам, взимался некоторый сбор с населения, проживающего на побережье озера, за рыбу, независимо от того, произведен улов или нет. А теперь вводится закон о взимании $\frac{1}{10}$ части выловленной рыбы»¹.

Кроме того, ашар взимался и при разработке крестьянами полезных ископаемых, в частности, руд².

В султанских законах как Сулеймана, так и Мехмеда II, и в ранних местных Канун-намэ был предусмотрен и такой случай, когда с крестьянина взимали два ашара. Так, «если приписанные крестьяне, запустив и забросив свои земли, могущие дать хороший урожай, пойдут возделывать землю к другому хозяину, то они подвергнутся наказанию, а если после наказания они вновь будут допущены (к земледелию), то... в наказание с них будут взиматься два ашара. Один из них будет принадлежать хозяину данной земли, другой — тому владельцу, за кем приписаны крестьяне»³.

От обложения двумя ашарами крестьянин мог освободиться в этом случае только при условии, если он разведет плодовый сад на втором участке земли и сам не будет им пользоваться, или если он отправится на обработку другой земли только после того, как возделает и засеет пустующую и плодородную землю своего сипахи.

Ашар беспощадно взимался феодалами со всех непосредственных производителей; феодалы не давали никаких скидок даже тем, кто находился на военной службе султана. В «Законнике» мы читаем: «В случае, если обладатели военных чинов и прочие военнослужащие будут обрабатывать и засеивать земли тимариота, то они вносят ашар и налоги с этих земель. Если янычары своими топорами расчищают пустующие земли, не принадлежащие издавна к крестьянским землям и не предусмотренные в писцовой книге, как приносящие урожай и налоги, то они не вносят такие земельные налоги, как «саларийе» и «ресме-земин». Они вносят всегда ашар. Но если они будут использовать давние крестьянские земли, то вносят по закону ашар и все налоги наравне с крестьянами»⁴.

Таким образом, ашар у турок означал натуральный сбор в пользу феодала-землевладельца в размере обычно $\frac{1}{10}$ части со всех продуктов земледелия.

Особо тяжелой податью был харадж, взимавшийся с не-мусульман. В XV—XVII вв. харадж включал в себя по существу целую группу налогов.

К этой группе относится подушная подать — «джизия», взимавшаяся за право жительства на земле мусульман и в виде выкупа за военную службу. Джизия взималась со всех подданных не-мусульман, за исключением женщин, детей до 16 лет, дряхлых стариков, калек, слепых, рабов, нищих и монахов-отшельников. Размер этой подати, называвшейся часто также хараджем, был весьма высок: это указывает на стремление турецкой знати ко всемерному выжиманию доходов с не-мусульманского населения для поддержания своего расточительного образа жизни. Так, с каждого подданного-христианина в XVI в. взималось по 150 акче, из них 140 акче передавались в казну, а 10 акче поступали на содержание слуг (рабов) турецких феодалов. Если же оказывалось, что размер хараджа с давних

¹ Канун-намэ-ал-Осман. Сб. «Тарихи-Османи меджмуасы», кн. 17. Истанбул, 1913. стр. 42.

² Османлы-канун-намэлер. Там же, ч. 1, № 1, стр. 83.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 100.

времен составляет еще большую сумму, последняя не должна была меняться, но взималась в прежнем размере¹.

Кроме того, не-мусульмане должны были вносить еще и другого вида хараджи: харадже-мукассеме, составлявший $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{10}$ часть зерновых культур (в зависимости от качества земельного участка), — причем «Законник» предупреждал: «Пока не будет внесен харадж, нельзя разрешить употребление зерна», далее — харадже-муваззаф — ежегодный денежный налог за пользование земельным участком: размер его устанавливался в зависимости от величины земельной площади. В то же время в «Законнике» указывается, что «у турок харадже-муваззаф равняется взносу за чифт земли, и у не-мусульман его называют «испендже»². Следовательно, этот харадж вносился также под видом испендже (или испендж), размер которого местами составлял (например, в Румелии) 25 акче в год с каждого трудоспособного лица, сидевшего на земле сипахи³.

Кроме того, в ряде местностей Турции с крестьян взимался денежный поземельный налог, «ресме-чифт» или «ресме-зеин», размер которого высчитывался с площади чифтлика (хозяйства), в котором работали крестьяне. Величина самого чифтлика измерялась в денюмах, в зависимости от качества почвы. Так, «за один чифтлик считается на хорошей плодородной земле 70—80 денюмов, на земле среднего качества — 100 денюмов и на плохой земле — 130 денюмов. Длина и ширина денюма равна с каждой стороны 40 шагам»⁴. Исходя из этого, налог «ресме-чифт» взимали в размере 1 акче с 2 денюмов хорошей поливной земли чифтлика, 1 акче — с 3 денюмов средней по качеству земли и 1 акче — с 5 денюмов плохой земли⁵.

Общая сумма «ресме-чифт» с каждого чифтлика составляла обычно от 26 до 40 акче. С хозяйства менее одного чифта или половины его взимался налог «бенак» в размере 18 акче.

Крестьяне в Турции облагались денежным налогом даже в том случае, если совсем не имели земли. Таков был, например, «джебес-бенак» или «урфийе» (от 6 до 12 акче⁶). Требуя уплаты этого налога, турецкие феодалы стремились заставить всех крестьян заниматься сельским хозяйством, разумеется, в интересах выжимания с них максимального прибавочного продукта. Крестьянин освобождался от «ресме-бенак» только в случае занятия должности муллы или проповедника, но служители культа и сторожа мечетей от «бенака» не освобождались⁷. Священники-христиане тоже облагались налогами, например хараджем-муваззаф или испендже. Освобождались от всех налогов лишь отшельники-монахи. Пользуясь этим обстоятельством, часть разорившихся крестьян вступала в ряды дервишей.

Таким образом, можно сказать, что в феодальной Турции натуральные подати «ашар», «саларийе», «харадже-мукассеме» представляли собой не что иное, как различные виды феодальной ренты продуктами, а денежные налоги «харадже-муваззаф», «ресме-чифт» и «бенак» — формы феодальной денежной ренты.

¹ Там же, стр. 107.

² Размер хараджа все время повышался: так, например, если общая сумма доходов с подушной подати в 1590 г. достигла 150 млн. акче, то в XVII в. размер подушной подати был повышен на 60%.

³ Там же, стр. 109.

⁴ Там же.

⁵ Там же, кн. 1, № 1, стр. 99.

⁶ Там же, стр. 99.

⁷ Там же, стр. 110.

Всякая же земельная рента, как указывает К. Маркс, «есть прибавочная стоимость, продукт прибавочного труда. В своей неразвитой форме, в форме натуральной ренты, она еще непосредственно является прибавочным продуктом»¹.

Земельную ренту с непосредственных производителей феодалы взимали самым беспощадным образом, пользуясь султанскими законами о личном прикреплении крестьян к земле. Правда, в условиях господства продуктовой и денежной ренты крестьяне получали возможность производить некоторые «излишки» путем увеличения интенсивности своего труда, ибо, как говорит Маркс, при господстве ренты продуктами производителю дается «... по сравнению с отработочной рентой, больший простор для того чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющий его необходимейшие потребности»². Но, конечно, речь идет здесь о потенциальных возможностях, которые не следует смешивать с действительностью: на практике широкая масса поработанных крестьян не могла использовать эти возможности. Феодалы, феодальное государство, духовенство, откупщики и ростовщики захватывали себе плоды напряженного труда непосредственных производителей.

В султанской Турции, при преобладании продуктовой и денежной ренты, продолжали существовать и некоторые виды барщины. Маркс указывает: «В какой бы мере рента продуктами ни представляла господствующую и наиболее развитую форму земельной ренты, она все же постоянно в большей или меньшей мере сопровождается остатками предыдущей формы, т. е. ренты, которая должна доставляться непосредственно в виде труда, следовательно, барщинным трудом, и это одинаково, является ли земельным собственником частное лицо или государство»³.

Такие остатки барщины сохранились и в Турции XVI в. Например, в «Канун-намэ ал-Осман» сказано, что везде, где за сивари (сипахи) записан господский сад, крестьяне обязаны три дня в году обрабатывать его⁴. Крестьянки обязаны были прясть в доме сипахи; от прядения на сипахи освобождались только вдовы, не имевшие земли для посевов. Но все же у турок барщина не имела тогда большого распространения. Это объясняется незначительными размерами господского хозяйства феодалов. Турецкие феодалы получали несравненно больше доходов от эксплуатации крестьян, сидевших на своих наделах, — в виде ренты продуктами или деньгами, чем от барщинной обработки барской земли.

Одним из условий землевладения и землепользования в Турции являлось взимание единовременного налога «тапу», или поземельной пошлины. Без внесения «тапу» никто не имел права вступить во владение землей. «Тапу» взимался феодалом каждый раз при переходе земельного участка от одного владельца к другому, причем безразлично, совершался ли этот переход путем продажи, дарения или наследования. Исключение допускалось только для прямого наследника — сына, вступавшего во владение землей без внесения «тапу».

Размер «тапу» зависел от характера перехода владения к другому лицу, состояния хозяйства и оценки его компетентными людьми⁵. Согласно «Канун-намэ ал-Осман», размер «тапу» зависел также и от качества почвы. Так, «тапу» с лучшего участка земли составлял 50 акче, со среднего 30—

¹ К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1951, стр. 647.

² Там же, стр. 808.

³ Там же, стр. 807.

⁴ Канун-намэ ал-Осман. Там же, кн. 18, стр. 57.

⁵ Там же, стр. 69.

40 акче, с худшего — 10—20 акче. В ряде случаев сипахи взимал «тапу» в размере годовичного урожая с данного участка: так случалось, например, при передаче участка земли, оставшегося от женщины, у которой не было сына, — дочери или братьям и сестрам покойной.

Во владениях ленников «тапу» взимали тимариоты или займы, которые выдавали свидетельство на право пользования земельными участками. Этот документ тоже назывался «тапу». При совершении акта передачи на государственных землях — «мири» такой документ выдавали особые чиновники уполномоченного по делам финансов, а на вакуфных землях — управляющие вакуфным имуществом.

За постройку дома крестьянином в населенном пункте или же в открытом поле также взимался «тапу» (тапуси) в размере 50 акче с хорошего дома, 30—40 акче — с дома среднего качества и 20 акче — с плохого. В случае, если дом строился крестьянином без разрешения тимариота или займа, то последним было предоставлено право взыскать «тапу» насильно или разрушить этот дом.

Помимо указанных денежных налогов, феодально-зависимые крестьяне Турции были обязаны уплачивать и целый ряд других. Многочисленность этих денежных сборов показывает, что в турецкой феодальной деревне XV—XVI вв. замкнутое натуральное хозяйство уже начало подвергаться разложению; постепенно возрастало значение денег, хотя этот процесс не везде протекал одинаково интенсивно. С другой стороны, этот факт свидетельствует о том, что турецкие феодальные завоеватели, в поисках новых источников денежных доходов, стремились облагать непосредственных производителей как можно большим количеством денежных податей. В изучаемый период денежные налоги в той или иной степени опутывали крестьянина в самых различных сферах его хозяйственной деятельности и даже личной жизни. Таковыми являлись: «ресме-отлак» — налог на пастбища, «адате-агнам» — турецкий традиционный налог за овец, «ресме-агыл» — налог за овчарни, за загон для скота; «ресме-хинзыр» — налог за разведение свиней; «ат акчеси» — налог за лошадей, и пр.

Турецкие крестьяне не имели права свободно устраивать и свою семейную жизнь. Они обязаны были вносить своему феодалу-сипахи денежный налог «ресме-арус» за право жениться и особый налог «ресме-никях» — за бракосочетание.

В поисках дополнительных источников дохода турецкие феодалы ввели даже налог за «воздух» — «бад-хава». Об этом налоге в «Законнике» «Канун-намэ ал-Осман» упоминается как о налоге за «дым», взимавшемся со всех тех, кто платил налоги «ресме-арус», «тапу» и др. и кто, прибыв из другой провинции, оставался в данной местности на зимовку (на поселение)¹. Иначе говоря, «бад-хава» взимался со всех более или менее самостоятельных хозяйств, принадлежавших как мусульманам, так и не-мусульманам. Он исчислялся с площади чифтлика в размере 6 акче с полного чифтлика и 3 акче — с полчифтлика. «Бад-хава» взимался также и с муселемов (крестьян, несших вспомогательную службу в армии), которые обычно освобождались от налогов на государственной земле, причем доходами от «бад-хава», поступавшими от муселемов, пользовались обычно санджак-бей.

Кроме вышеуказанных податей, крестьяне и горожане Турции подвергались обложению различными обременительными базарными сборами при продаже и покупке товаров, привозившихся в города из провинции².

¹ Канун-намэ ал-Осман. Там же, № 17, стр. 38.

² Например, согласно «Канун-намэ ал-Осман», за каждую корову, подлежащую продаже, взималось 2 акче с продавца и 2 акче с покупателя; за каждую пару овец взимался 1 акче, за каждый воз лука — 4 акче, за бурдюк масла стоимостью 15 акче

Характерными для того времени являлись и такие поборы, как, например, взимание денег за проезд через реки Мораву, Дрину и др.¹

Кроме того, в военное время население той или иной местности должно было поставлять на военные нужды мясо, пшеницу, ячмень, овес, сено и всякие другие продукты и фураж, доставляя их по назначению на своих подводах. В условиях непрерывных разбойничьих войн, которые вели турки, такого рода натуральные повинности являлись весьма обременительными. Часто они выражались в виде чрезвычайного налога под названием «авариз». Авариз существовал в денежной форме. Например, султан Сулейман во время походов, предпринятых для захвата Белграда и Родоса, обложил аваризом (в размере 15 акче) каждого жителя империи. По данным Кучубея, с каждого дома в течение года взималось по 40 акче авариза, а в XVII в. сумма его дошла до 300 акче².

Ко всему этому надо добавить еще такие поборы, которые не получили своего разъяснения в турецких «Законниках», как то: поборы за зернохранилища, за выдачу свидетельства, за приложение печати, за прибытие в приморский город, за получение торгового свидетельства, за размен денег, за проезд через заставы, за добычу соли, за разработку горных богатств, за праздники и т. д. Многие из этих поборов взимались совершенно произвольно по воле феодальной администрации.

Турецкие феодалы опутывали народ целой системой налогов, основанных просто на обычае, на традициях. Эти налоги назывались «теклиф-урфийе». Большей частью это были натуральные повинности и поставки³.

Некоторые буржуазные авторы утверждают, что на завоеванной турками территории христианское население якобы освобождалось от целого ряда таких налогов, которые вносили сами турки, но эти историки не учитывают того, что взамен этого турецкие феодалы обязывали покоренное и поработенное население нести другие, еще более обременительные повинности.

Турецкие феодалы взимали с населения подати не только продуктами и деньгами, но также и людьми. Так, для пополнения янычарского корпуса, т. е. султанской пехоты, периодически (обычно через каждые пять лет) отбирались здоровые и красивые мальчики в возрасте 7—8 лет. Этот налог людьми назывался «девширме». Его уплачивали только различные покоренные народы (болгары, греки, боснийцы, албанцы, армяне и др.). Дети, насильственно разлученные с родителями, попадали в цепкие лапы султанских наставников, которые обучали их сперва турецкому языку, приучали к турецким нравам и обычаям, к палочной дисциплине; потом дети получали военную подготовку в янычарском корпусе и посвящались в янычарскую религиозную секту «Бекташи». По достижении 20—21 года этих молодых людей большей частью отдавали в отряды янычар и размещали в специальных янычарских казармах, а некоторую часть определяли на службу в султанском дворце и в прилегающем к нему парке.

взимался 1 акче, за каждый выюк сливочного масла — 2 акче, за выюк свежей рыбы — 4 акче; когда какой-либо товар ставился на весы, взимались 1 акче с продавца и 1 акче с покупателя и т. д.

¹ С каждого верхового взимался 1 акче, с каждых двух пеших — 1 акче, за каждое колесо телеги — 1 акче, за каждую бочку — 4 акче, за выюк — 2 акче, за пару овец — 1 акче, за 4 агненка — 1 акче, за свинью — 1 акче и т. д. Канун-намэ ал-Осман. Там же, кн. 16, стр. 25.

² В. Д. Смирнов. Кучубей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1873, стр. 139.

³ Абдрахман Вефик [«Текелифи-Каванди», Истанбул, 1238 г. хиджры (1822—1823), стр. 26—28] приводит 80 названий различных налогов и 97 названий различных натуральных повинностей и поставок, существовавших в Турции до периода реформ Танзимати.

Прививая своим воспитанникам яркий религиозный фанатизм и самые низменные чувства, турецкие феодалы готовили из них слепое и преданное орудие для своих агрессивных войн. Эти воспитанники турецких феодалов, как говорит автор XVII в. Кучубей Гөмюрджинский, становились подобными «переплавленному серебру». Янычарское, или новое, войско («ени чери»), созданное еще при хане Орхане (1326—1359), представляло собой основное ядро султанской наемной пехоты. Янычары обрели в народе печальную известность головорезов. Янычарское войско просуществовало 500 лет.

Говоря о положении турецких крестьян, нельзя обойти молчанием вопроса об ирригации. В жизни крестьян на Востоке всегда имела огромное значение вода. Учитывая это, феодалы стремились держать в своих руках не только плодородные земли, но и источники орошения. Турецкие феодалы в этом отношении не составляли исключения. Источники орошения полей и садов они превратили в дополнительный источник доходов. Так, они отдавали дело полива на откуп «мирабам» (специальным начальникам или смотрителям оросительных источников), выдвигавшимся из числа состоятельных людей. Османская эпоха закрепила старую классовую систему водопользования¹. Мирабы, как отмечает В. А. Гордлевский, занимали за свой счет людей из крестьян, которые выполняли всю физическую работу по пуску воды.

На примере орошения Конии видно, что мирабы взимали за орошение двух денюмов площади 4 акче, причем «уплатившим больше мираб предоставлял воду вне очереди»². Кроме того, в турецком «Законнике» упоминается, что мираб, заставляя кого-либо возделывать огороды, $\frac{1}{3}$ брал себе, а оставлял огороднику $\frac{2}{3}$ урожая³. Это — лишь один из примеров того, как мирабы спекулировали водой, используя свое положение.

Таким образом, уже в XV в. эти кровавые завоеватели — турецкие феодалы установили, а затем и «узаконили» невыносимый феодальный гнет по отношению к зависимому крестьянству страны.

Они лишили свободы передвижения даже кочевые племена Анатолии, хотя, конечно, турецкие феодалы, сами продолжавшие сохранять много остатков кочевого быта османов, прекрасно разбирались в элементарных нуждах кочевников. Не считаясь совершенно с потребностями юрюков (кочевников) в пастбищах, закон султана Сулеймана не разрешал им оставаться более трех дней на одном месте. В случае изъявления ими желания обрабатывать землю, им разрешалось на территории своих кочевков расчищать для небольшого засева только гористую и болотистую почву, но и в этом случае феодалы-землевладельцы взимали по 12 акче «респе-чифт» за каждый чифт такой земли. Кроме того, юрюки, приписанные к тимариоту или заиму, обязаны были выделять по 5 воинов — «ишкинджи» с каждого очага (кочевки) для участия в военных походах. Ввиду того, что имели место случаи нарушения этой повинности, турецкий султан своими указами от 1579 г. вновь подтвердил отмеченные только что обязанности юрюков. Иногда эта натуральная повинность заменялась денежным взносом «бедель-акчеси», размер которого зависел фактически от произвола местных правителей. При проведении же записи в «ишкинджи» с каждого из них предписывалось взимать по 3 акче.

Естественно, что юрюки часто причиняли «неприятности» как центральному султанскому правительству, так и местным феодальным правителям:

¹ В. А. Гордлевский. Из истории водопользования в Конии. Записки Института востоковедения Академии Наук, Л., 1934, стр. 201.

² Канун-намэ ал-Осман. Там же, кн. 19, стр. 65.

³ Там же.

они не подчинялись их предписаниям и отстаивали свои права. Поэтому наблюдение за юрюками было поручено особому должностному лицу, субаши¹, который одновременно был наделен полномочиями принимать по отношению к кочевникам любые репрессивные меры. В «Законнике» прямо говорится, что «если юрюки, вмешавшись в политику, совершат большое преступление, то после этого субаши вправе поступать с ними по своему усмотрению»².

Все вышеизложенное показывает, что в XV—XVI вв. многочисленные натуральные налоги и повинности, тесно переплетаясь с такими же обременительными денежными поборами, тяжелым бременем ложились на крестьянские массы Турции.

Налоги с крестьянских хозяйств, расположенных на государственных землях «мири», принадлежали султанской казне; всякого рода поборы, собираемые во владениях феодалов-ленников, поступали в распоряжение последних, а в вакуфных владениях — передавались в руки управляющих вакуфными учреждениями. Кроме того, в тогдашней Турции существовала уже и откупная система; откупщики налогов, злоупотребляя своим правом, еще больше повышали размер собираемых поборов. Нередко эти откупщики, в роли которых выступали и сами феодальные землевладельцы, собирали налоги за два года вперед, обрекая крестьян на выплату тяжелых долгов.

Своеобразные формы феодального землевладения и землепользования в средневековой Турции, своеобразные формы и методы эксплуатации крестьян, неимоверная тяжесть налогового обложения, бесправие и нищета непосредственных производителей наглядно свидетельствуют о том крайне тяжелом феодальном гнете, который царил в государстве Османов в XV—XVI вв. Все это явилось непосредственной предпосылкой тех крестьянских восстаний, которые вспыхнули в начале XV в. в Анатолии и Румелии, а затем продолжались с новой силой в различных частях страны до середины XVI в.

И. В. Сталин указывал: «Различные общественные формации в своём экономическом развитии подчиняются не только своим специфическим экономическим законам, но и тем экономическим законам, которые общи для всех формаций, например, таким законам, как закон об единстве производительных сил и производственных отношений в едином общественном производстве, закон об отношениях между производительными силами и производственными отношениями в процессе развития всех общественных формаций. Стало быть, общественные формации не только отделены друг от друга своими специфическими законами, но и связаны друг с другом общими для всех формаций экономическими законами»³.

Эти экономические законы действовали, разумеется, и в средневековой Турции. В рассматриваемый период производственные отношения стали уже вступать в противоречие с существовавшим характером производительных сил турецкого военно-феодального государства. В частности, созданная османскими феодалами форма собственности на землю становилась помехой для роста производительных сил и обостряла внутренние противоречия в турецком феодальном обществе. Наличие в стране в тот период рыночных отношений и растущих в городах торговли и ремесла увеличивало противоположность между городом и деревней и подтачивало уже

¹ Субаши — уездный начальник или местный пристав. Раньше вожди племен у турок тоже назывались субаши.

² Османлы-канун-намэлери. Там же, ч. 1, № 2, стр. 308.

³ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 71.

в ряде местностей страны замкнутое натуральное хозяйство. Указанные противоречия стали проявляться в выступлениях угнетенного крестьянства, представлявшего собой в тогдашней Турции основную массовую революционную силу, активно боровшуюся против феодальных поработителей. В дальнейшем, с ростом городов и ремесла повышалась и революционизирующая роль города в крестьянском движении в Турции.

Борьба крестьян Турции против феодального гнета проявлялась в различных формах. В одних случаях крестьяне уклонялись от выполнения требований феодалов, не вносили во-время налогов, вступали с феодалами или их уполномоченными в споры, пререкания и т. д. В других случаях крестьяне просто бросали приписанные за ними участки земли, уходя на поиски лучших условий жизни. Но лучших условий нигде в Османской империи, естественно, не оказывалось, везде господствовала жестокая феодальная эксплуатация. Если крестьянам, оставившим свои земли, удавалось избежать насильственного возвращения к прежнему хозяину, то чаще всего они попадали в лапы других, столь же алчных феодалов и вынуждены были отбывать все те виды наказания за бегство, о которых говорилось выше. Лишь в редких случаях беглым крестьянам (в частности, знавшим ремесла) удавалось найти прибежище в больших городах или же основывать небольшие поселения в отдаленных, труднодоступных районах с каменистой или болотистой почвой.

Соппротивление крестьян причиняло феодалам большое беспокойство. Они разрабатывали новые жестокие антикрестьянские законы, лишали крестьян свободы передвижения, учиняли беспощадную расправу над непокорными, укрепляли свои вооруженные отряды. Об этом свидетельствуют как упомянутые «Законники» султана, так и ряд местных «Канун-намэ». Все их содержание было направлено к тому, чтобы закрепить власть султана и местных феодалов над поработленным крестьянством, помочь им в беспощадном выжимании прибавочного продукта с непосредственных производителей и внедрить представление о «вечности» и «незыблемости» господства турецких феодалов. Однако как самое составление, так и содержание этих официальных документов говорят о том брожении, которое нарастало в различных частях империи и которое побуждало турецких правителей разрабатывать строгие законы, придавая им религиозный оттенок. Турецкие султаны и местные феодалы особенно боялись массового ухода крестьян с приписанных участков: беглых крестьян и их семьи они подвергали жестоким карам. «Прежние султаны, — пишет историк второй половины XVII в. Наима, — терпеть не могли, чтобы кто-либо из райи, бросая хлебопашество и земледелие, приходил и поселялся в городе»¹.

Но в ответ на наступление феодалов крестьяне лишь усиливали свое сопротивление. Борьба крестьянских масс с феодалами-эксплуататорами составляет, как указывает И. В. Сталин, «основную черту феодального строя»².

Эта борьба нарастала и расширялась на протяжении всей истории Турции в средние века. Обострение внутренних классовых противоречий в турецком военно-феодальном государстве привело к тому, что крестьяне все чаще стали стихийно переходить к вооруженным восстаниям.

Уже при султани Мехмеде I (1413—1421), когда Константинополь находился еще в руках византийцев, вспыхнули первые мощные крестьянские восстания.

¹ Тарихи-Наима, т. I. Истанбул, 1247 г. хиджры (1831—1832), стр. 16.

² История ВКП(б). Краткий курс. О диалектическом и историческом материализме, стр. 120.

Восстания происходят последовательно в трех областях (Айдынском, Манисском вилайетах и в Валахии) в течение 1415—1420 гг. Эти крестьянские восстания, как и более раннее восстание, развернувшееся в эпоху Сельджукидов в 1239 г. под руководством дервиша Баба-Искака¹, имели характерную для эпохи средневековья религиозно-мистическую оболочку, но своим острием были направлены против господствующего класса феодальной Турции. Руководители повстанцев, объявив себя проповедниками нового религиозного учения, провозгласили идею равенства и братства трех религиозных культов (ислама, христианства и иудейства) и стали призывать все угнетенное население объединиться под одним общим знаменем борьбы против власти турецкого султана и местных тиранов — феодалов. Лозунгами этих повстанцев были: отречение от всякой собственности, полное обобществление всех продуктов природы и труда, экспроприация их у всех владельцев в пользу бедняков. Это были примитивные лозунги социального равенства, выражавшие в сущности не что иное, как стремление к организации крестьянских общин, в которых путем распределения между членами общин имущества феодалов и других богатых людей было бы установлено экономическое равенство.

Руководители восстаний проповедовали обобществление имущества и накопленного богатства. Они говорили: «Я хозяин в твоём доме, как и в своём собственном, и ты можешь пользоваться моей одеждой, моим оружием и моими лошадьми так же, как и я пользуюсь твоими»². Главным проповедником этих лозунгов явился шейх Бедр-эд-дин Симави, или Симавна-оглу, который привлек к себе много последователей своим «вольнодумством». Лозунги Симавна-оглу, найдя поддержку в народе, собрали вокруг него и его ближайших учеников широкие массы крестьян различных народностей и вероисповеданий.

Крестьянские восстания, связанные с именем Симавна-оглу, до сих пор сохранились в памяти народных масс, выступавших много раз с оружием в руках против феодальных угнетателей. Имя этого крестьянского вождя пользуется большим уважением в народе. Недаром его стараются всячески опорочить и оклеветать реакционные правители и историки Турции, отзывающиеся с глубокой ненавистью о Бедр-эд-дине Симавна-оглу³.

Тщетны эти попытки, ибо никакими заклинаниями, никакой клеветой и фальсификацией невозможно уничтожить правду об исторических фактах народной борьбы против угнетателей в той или иной стране. Правда о восстаниях, связанных с именем Симавна-оглу, будет всегда храниться в сознании народа, несмотря на то, что эти восстания произошли более 500 лет тому назад и имели характерные для той эпохи свои существенные недостатки и особенности. Воздавая должное памяти Симавна-оглу, испытанный борец за мир и свободу, известный поэт турецкого народа Назым Хикмет посвятил одну из своих поэм специально Бедр-эд-дину Симавна-оглу.

¹ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов в Малой Азии, 1941, стр. 96—100.

² В. А. Гордлевский. Указ. соч., стр. 96—100.

³ Примером такой клеветы является одна из статей фальсификаторской книжонки, изданной в 1950 г. в Турции в виде сборника материалов по истории Турции, под громким названием «Сокровищница истории». Не имея возможности совсем умолчать о Бедр-эд-дине Симавна-оглу, авторы этой статейки не ограничились только тем, что извратили его облик, изобразив этого крестьянского вождя как некоего «красного» шейха, который якобы хотел «обобществить» и женщин, но в своём смертельном страхе перед народом призвали «сжечь его кости, лежащие под дворцом Тонкапы или выбросить их в море», дабы таким путем вытравить самое воспоминание о нем в народных

Наиболее крупным крестьянским восстанием, вспыхнувшим при участии Бедр-эд-дина, явилось Айдынское восстание, непосредственным руководителем которого был крестьянин Бюрклюдже Мустафа — ученик и ближайший сподвижник Симавна-оглу. Он был сыном местного турка, пасшего коз на каменистых склонах Черного мыса. О нем упоминает летописец XV в. Ашик-паша-заде: «Симавна-оглу прибыл в Изник, а Мустафа — в Айдын и оттуда отбыл в Кара-Бурун. В том вилайете он проповедовал и привлек на свою сторону большинство населения. Создал новые порядки, объявил себя пророком. В то время, когда об этом услышал Симавна-оглу, движение Мустафы разрасталось»¹. Более подробные данные о нем приводит греческий историк Дука, живший тогда вблизи Измира, т. е. недалеко от места, где происходили эти события. «В те времена, — рассказывает он, — в горной области, находящейся у входа в залив Иониен, называемый простонародьем Стиларион (или Кара-Бурун), жил простой турецкий крестьянин. Стиларион расположен против острова Хиос. Указанный крестьянин произносил для турок проповеди и давал наставления; он рекомендовал считать общей собственностью все (за исключением женщин) — съестные припасы, одежду, скот и землю. Он говорил: «Я могу владеть твоим имуществом и ты, подобно этому, можешь таким же образом владеть моим». Привлекши на свою сторону подобного рода речами простой народ, он старался установить дружбу с христианами»².

Бюрклюдже Мустафа, под кличкой Деде-Султан, собрал до 10 тыс. приверженцев. К движению Мустафы примкнуло греческое и еврейское население юго-западной части Малой Азии, с которым турки-повстанцы установили дружественные отношения. Мустафа привлек на свою сторону также греческих монахов с островов Хиос, Самос и Крит, утративших при турках свое прежнее привилегированное положение. Эти монахи, в свою очередь, агитировали в пользу восстания среди христианского населения Турции.

Султан Мехмед Челеби направил против восставших войска под командой Шишмана — губернатора Сарухана, но последнему не удалось продвинуться вперед через узкое ущелье Стилариона. Повстанцы же в количестве 6 тыс. человек, пройдя через неприступные горные проходы, рассеяли всю армию Шишмана. «После такого успеха, — говорит Дука, — к этому крестьянину, носившему имя Берклидже Мустафа, примкнула большая масса народа... Эти люди решили одеваться только в одежду, сделанную из цельного куска материи, и ходить с непокрытой головой»³.

Мехмед Челеби приказал саруханскому бегу Али собрать все вооруженные силы Сарухана, Айдына и Иониена и вести их против Мустафы. Когда войска Али-бея, пройдя горные ущелья, приблизились к заливу, они внезапно были атакованы повстанцами и после кровопролитного сражения разбиты наголову. Сам Али-бей с большим трудом спас свою жизнь, позорно бежав в Манису.

Султан не на шутку перепугался и в 1416 г. собрал огромную армию из частей азиатских и фракийских войск. Вся эта армия была

¹ Ашик-паша-заде. Тарих-ал-Осман. Истанбул, 1332 г. хиджры (1913—1914), стр. 92.

² Цит. по Мехмед Шериф-эд-дину. Симавна Кадиси-оглу шейх Бедр-эд-дин. Истанбул, 1924, стр. 65. См. А. С. Степанов. Труд Дуки как источник по истории восстания Берклидже Мустафы начала XV в. ВВ, т. V, М., 1952, стр. 99—105.

³ Цит. по Мехмед Шериф-эд-дину. Симавна Кадиси-оглу шейх Бедр-эд-дин. Истанбул, 1929, стр. 66. См. А. С. Степанов. Труд Дуки как источник по истории восстания Берклидже Мустафы начала XV в. ВВ, т. V, М., 1952, стр. 99—105.

направлена против восставших. Командовал ею Баязид-паша, окруженный большой свитой царедворцев, среди которых, между прочим, был и 12-летний сын султана — Мурад. Для поддержания духа войск султан обещал янычарам богатую добычу, а сипахи — пожалование тимаров. На пути своего следования войска Баязид-паши убивали каждого встречного жителя, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей. Наконец они приблизились к горе, занятой повстанцами. Здесь, у подножья горы, в местности, пересеченной оврагами и холмами, разгорелся жестокий бой, потребовавший напряжения сил всей султанской армии. Восставшие крестьяне стойко отражали натиск врага и наносили ему большой урон, но силы были слишком неравны, и к тому же у восставших не было необходимой организованности и военного опыта, не говоря уже о том, что у многих отсутствовало оружие. Баязид-паше удалось ценой больших потерь подавить это восстание. Мустафа потерял в бою до 3 тыс. человек убитыми. Многие оставшиеся в живых были схвачены и подвергнуты жестоким пыткам. Турецкие палачи захватили и самого Мустафу, которого избили, изуевичили и привезли в город Эфес. Злорадно торжествуя, каратели водили связанного Мустафу сперва по улицам города, а затем по городской площади. Перед казнью ему предложили публично раскаяться в своих действиях, но Мустафа стойко выдержал пытки и отказался отречься от своих убеждений. Палачи распяли его на двух досках. Перед этим на глазах Мустафы были казнены его ближайшие приверженцы. Султанские палачи жестоко расправились также с семьями повстанцев, предав весь вилайет огню и мечу.

В честь победы султан пожаловал феодалам-дружишкам тимары, а янычарам разрешил грабеж и насилия среди населения. Летописец Ашик-паша-заде упоминает об этих событиях весьма кратко: «Султан Мехмед, — говорит он, — отправил в поход Баязид-пашу вместе со своим сыном Мурад-ханом. В Кара-Буруне произошел бой. С обеих сторон погибло много людей. Наконец, Мустафа был побежден. Заняли весь вилайет, захватили пленных. Сыновьям же беев пожаловали тимары»¹.

Это было первое крупное крестьянское восстание, возникшее еще в начальный период захватнических войн турецких феодалов, — в период, когда турецкие завоеватели еще не укрепились полностью в Малой Азии и усиленно проповедовали среди населения идею о своем «превосходстве» над византийскими феодалами. Восстание показало, что недовольство и возмущение народных масс гнетом турецких феодалов-завоевателей уже начинали перерастать в стихийные вооруженные выступления и что крестьяне отнюдь не считали турецких правителей «избавителями» от гнета византийских феодалов. Хотя восстание Бюрклюдже Мустафы и потерпело поражение, но оно все же нанесло чувствительный удар по султанской армии и ее тылу.

Второе восстание, меньшее по своим размерам, произошло в окрестностях Манисы под руководством Торлак-Кемаля, который тоже был учеником и сподвижником Симавна-оглу. По своему характеру, составу участников и замыслу это восстание было сходным с Айдынским. Повстанцы, именую себя «кемалистами», ходили из деревни в деревню и проповедовали то же самое учение, что и Мустафа. Число повстанцев доходило до 5 тыс. человек. Однако после подавления Айдынского восстания силы «кемалистов» ослабели, и они не смогли устоять против карательных войск султана. В бою с карателями они потеряли убитыми, ранеными и пленными до 4 тыс. человек. Сам Торлак-Кемаль был схвачен Баязид-пашой и повешен. К сожалению, более подробными данными об этом восстании мы пока не располагаем.

¹ Ашик-паша-заде. Указ. соч., стр. 92.

Третье восстание произошло под непосредственным руководством самого Бедр-эд-дина Симавна-оглу, который фактически являлся идейным руководителем всех трех восстаний. Мустафа и Кемаль были последователями его учения, в котором религиозные взгляды служили выражением социальных идей. Бедр-эд-дин, родившийся приблизительно в 1369 г., получил богословское образование в Конии, Самарканде и Каире; он побывал в Тавризе, Тифлисе, Алеппо и Адрианополе, но не стал фанатичным мусульманским богословом; в народе его считали мудрецом-философом, медиком и судьей. Его религиозные и социальные взгляды были направлены в основе своей против тогдашнего феодального гнета и господствовавшего официального учения — ислама, как орудия феодальной реакции. Находясь в правление Мусы Челеби (1410—1413) в Адрианополе, Бедр-эд-дин был назначен кадием (судьей) в этом городе. После того как в результате междоусобной борьбы пришел к власти Мехмед-Челеби, Бедр-эд-дин за свое вольнодумство был сослан в Изник. Здесь он продолжал проповедовать свое учение, у него появилось много учеников, в числе которых были Бюрклюдже Мустафа и Торлак-Кемаль. Бедр-эд-дин говорил тогда: «Я претерпеваю несчастье изгнания на чужбине и нахожусь постоянно в грустном и подавленном состоянии, и в моем сердце загорается огонь, который усиливается со дня на день так, что если бы мое сердце было из железа, оно расплавилось бы, несмотря на свою твердость»¹.

Однако Бедр-эд-дин не был философом-материалистом. Он выступал против султанских правителей и господствовавшего учения ислама с идеалистических позиций. Правда, его взгляды расходились с основными положениями учения ислама об окружающем мире и содержали в себе некоторые рационалистические представления. Так, он отрицал сотворение мира богом из ничего². Однако философия Бедр-эд-дина была идеалистической по своему существу. Он не отказывался от понятия божества, считая, что сама материя и есть божество, что божеством якобы пронизан весь мир, каждый атом и частица вещества. Отрицая застой и постоянство вещей в мире и признавая вечное движение и круговорот материи, он в то же время считал, что это движение является не чем иным, как движением духа, воплощенного в материальную форму. Следовательно, философия Бедр-эд-дина заключала в себе элементы пантеизма, отождествляющего природу с богом.

На религиозно-философские взгляды Бедр-эд-дина могли оказать влияние шиитские и суфийские течения, содержащие черты пантеизма. В особенности этим отличались так называемые «крайние» шииты (например, секта хуруфитов), распространившие свое влияние во всей Передней Азии — от Хорасана до Османского султаната.

Необходимо, впрочем, подчеркнуть, что шиизм, суннизм, пантеизм, как и всякое другое религиозное учение, представляли собой по существу различные виды реакционной идеологии и служили орудием обмана и угнетения народных масс со стороны эксплуататорских классов. Однако в условиях средневековья, когда религия была господствующей идеологией, народные массы в борьбе за улучшение своей жизни нередко обращались к религии и легко верили человеку, который объявлял себя новым явленным «пророком-спасителем». Классовые требования угнетенных масс мусульманского крестьянства в те времена часто облекались в оболочку того или иного религиозно-сектантского учения, противоречащего официальному исламу. Основателем радикальной шиитской секты хуруфитов был

¹ М. Шериф-эд-дин. Симавна Кадиси-оглу шейх Бедр-эд-дин, стр. 52.

² М. Шериф-эд-дин. Указ. соч., стр. 30.

азербайджанец по происхождению Фазуллах ал-Хуруфи, один из наиболее замечательных мыслителей средневекового Востока, автор оригинальных философских трудов, боровшийся с идеологией официального ислама (убит в Ширване сыном Тимура Мираншахом в 1401 или 1402 г.). Как известно, секта хуруфитов вела непримиримую борьбу с державой Тимуридов, наследницей государственной системы, созданной монгольскими ханами¹.

Указанными обстоятельствами можно объяснить и пантеистическую религиозную оболочку социальных чаяний масс в восстаниях Бедр-эд-дина в Турции.

Элементы пантеизма были использованы Бедр-эд-дином Симавна-оглу, который своими проповедями сеял сомнение в истинности официальной мусульманской веры и призывал народные массы пересмотреть свои взгляды на мир, стать братьями друг другу, независимо от вероисповедания и национальной принадлежности. «Кто познал людей, — говорил он, — тот познал истину»², тем самым возражая мусульманским теологам, учившим, что «кто познал бога, тот познал истину».

Вместе с тем, считая злом и несправедливостью на земле наличие богатства у одних и отсутствие такового у других, он фактически предлагал обобществить и перераспределить накопленные богатства, а поработанных турецкими феодалами крестьян превратить в свободных общинников. В условиях феодального строя социальные лозунги Бедр-эд-дина, конечно, не имели и не могли иметь экономической основы и носили утопический характер.

Однако, несмотря на все слабые стороны и недостатки взглядов Бедр-эд-дина, его призывы и вооруженные выступления под его руководством сыграли положительную роль в борьбе против жестокого гнета султана и феодалов. Они помогли сближению между собой простых людей разных народностей и вероисповеданий и вдохновили их на борьбу за удовлетворение своих насущных нужд и требований. Трудящиеся массы везде встречали Бедр-эд-дина с уважением и почестями. Наоборот, турецкие феодалы его возненавидели и объявили еретиком и раскольником, подлежащим суровой каре.

Когда в Айдынском вилайете вспыхнуло восстание Мустафы, Бедр-эд-дин сразу же покинул Изник и уехал в Валахию. Устроив там в дикой чаще леса свою резиденцию, он начал отсюда распространять свои социальные и религиозные взгляды, вербуя последователей. В течение короткого времени вокруг него собралось несколько тысяч человек, среди которых были не только турки, переселившиеся из Анатолии, но также валахи, болгары. На их территории и разворачивались описываемые события. К сожалению, в источниках не указывается точно национальный состав участников восстания Симавна-оглу в европейской части Турции. Летописец XV в. Ашик-паша-заде лишь кратко сообщает о том, что когда восстание Мустафы расширилось, «Симавна-оглу бежал из Изника и прибыл в Асфендияр, сел на судно и отправился в Валахию. Там устроил себе резиденцию в лесу и находился в союзе с Мустафой»³. Возможно, Симавна-оглу считал, что если восстания вспыхнут одновременно в трех местах, то это даст больший эффект, и потому послал Бюрклюдже Мустафу и Торлак-Кемаля в юго-западную часть Анатолии, а сам уехал из Изника в европейскую часть Турции. Однако все три восстания оказались раз-

¹ И. П. Петрушевский. Из истории героической борьбы азербайджанского народа в XIII—XIV вв., Баку, 1941, стр. 57.

² Ахмед Рефик. Туркийе тарихи, Истанбул, 1926, стр. 220.

³ Ашик-паша-заде. Указ. соч., стр. 92.

розенными, изолированными друг от друга. Они не успели получить достаточное распространение и поддержки в других вилайетах.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что Бедр-эд-дин в ходе восстания не остановился даже перед тем, чтобы обещать своим сторонникам раздачу феодальных владений и выгодных должностей. Так, в своих обращениях он говорил: «Кто желает получить санджаки и должности субаши и, наконец, всякий, кто что хочет, пусть придут ко мне. Я восстал. В этом вилайете правитель я! В вилайете же Айдын восстал Мустафа. Он тоже является моим соратником»¹. Кроме того, он послал по вилайетам своих агитаторов из числа тех дервишей, которые последовали за ним. Они, в свою очередь, говорили: «Мы — дервиши. Однако дервиши не по праву и положению. Наш шейх восстал, мы тоже сделаемся бейями»².

Отсюда видно, что Бедр-эд-дин не имел достаточно четкой и последовательной программы действий в вопросах удовлетворения нужд и чаяний своих сторонников. Обещая вывести из нужды всех бедняков и обездоленных и сделать их богатыми, он говорил не только об обобществлении имуществ и установлении братства между людьми, но и расточал обещания о пожалованиях тимаров и административных должностей, что означало фактически перераспределение феодальных владений и должностей между нуждающимися.

Возможно, что такими обещаниями он преследовал цель привлечения к себе большего числа сторонников, создания мощной вооруженной армии и расширения района действий повстанцев. Из Анатолии прибывали неутешительные вести о жестокой карательной экспедиции султанских войск, и вопрос о численности повстанцев и об их вооружении и организованности приобретал в этих условиях большое значение. Поэтому обещания Бедр-э-дина (о санджаках, тимарах и должностях), возможно, были рассчитаны на привлечение не только крестьян, но и всех тех элементов, которые считали себя обделенными и обиженными со стороны султана и крупных феодалов. Однако, вербуя себе приверженцев среди этих элементов, он этим самым усиливал разнородность социального состава восставших. Это заранее обрекало восстание на неудачу. Услышав обещания Бедр-э-дина, вокруг него стали собираться люди, принадлежавшие к самым различным социальным группировкам: одни шли к нему, чтобы избавиться от нищеты и голодной смерти, другие — из корыстных побуждений — для того, чтобы получить тимар или выгодную должность. Среди них были и знатные лица из среды местного населения, которых Бедр-эд-дин, по сообщению одного источника, организовал в военный отряд под командой своего помощника Мусы, а сам стал так называемым Газы-аскером.

Для подавления восстания в Валахию был направлен тот же палач Баязид-паша, ставший во главе крупных военных сил. В первом сражении отряды Бедр-э-дина были рассеяны, но не уничтожены. Бедр-эд-дин сохранил ядро своих сторонников и немедленно приступил к сколачиванию новых отрядов восставших. Первая неудача не сломила духа повстанцев. Силы их стали вновь расти за счет новых пополнений, ибо популярность Бедр-э-дина в европейской части Турции была исключительно широка. Так, например, «когда он прибыл на равнину Адрианополя, среди народа быстро распространился слух о его прибытии. Сюда к нему отовсюду стало стекаться много народа»³.

Не надеясь только на силу своего оружия, Баязид-паша широко использовал шпионаж и провокации, стремясь разложить силы Бедр-э-дина

¹ Там же.

² Там же.

³ М. Ш е р е ф - э д - д и н. Указ. соч.

изнутри и таким путем обеспечить условия для скорейшего подавления восстания.

Подрывная пропаганда агентов Баязида среди приверженцев Бедр-эд-дина облегчалась разнородным социальным составом восставших и их неорганизованностью. К тому же весьма отрицательное влияние на настроения восставших оказали известия о поражении восстаний в Малой Азии. Провокаторские методы Баязида вскоре дали свои плоды: многие сторонники Бедр-эд-дина стали его покидать, разуверившись в своих ожиданиях. Разложение армии повстанцев изнутри помогло разбить Бедр-эд-дина в бою в горах Македонии. Сам Бедр-эд-дин был схвачен и привезен в г. Серес (Сируз) в области Салоники. Здесь в 1420 г. турецкие палачи казнили его. Казнь была совершена не только по указанию султана, но и по фетве (толкованию) богослова Хайдара, заменявшего в то время муфтия (главу турецкого духовенства).

Указанные три восстания были первыми массовыми антифеодальными крестьянскими выступлениями в Турции. Хотя классовые требования восставших были облечены еще в религиозную оболочку, но в основе своей они выражали чаяния и стремления угнетенных крестьянских масс. Крестьяне выступали тогда главной революционной силой, борющейся против эксплуататоров.

Крестьянские восстания в средние века повсюду, в том числе и в Турции, носили стихийный и неорганизованный характер. Выступая против феодальной собственности на землю, служившей экономической основой господства турецких феодалов, борясь против своих эксплуататоров, против многочисленных обременительных налогов, феодального произвола, крестьяне не имели еще перед собой ясной конечной цели и перспективы. Восставшие крестьяне не имели точно разработанной программы действий и необходимого руководства либо в лице буржуазии, либо рабочего класса, которых тогда еще, естественно, не было. Крестьянские восстания средневековья, не имея надлежащего руководства, везде терпели неудачу. Тем не менее они имели большое прогрессивное значение и наносили чувствительные удары по феодальному строю.

Последующие крестьянские восстания в Турции, происходившие в XV и XVI вв., тоже были облечены в религиозную оболочку. Так, руководители восстаний, главным образом в Восточной Анатолии, использовали тезис шиитского учения о предстоящем появлении «12-го имама Мехди» (мессии), как «спасителя» народов; каждый из них, выдавая себя за такого «спасителя», старался завоевать доверие верующих крестьян¹.

Учение о приходе «Мехди» [дословно — «руководимый (богом)»] — «спасителя» не могло не привлечь к себе угнетенных и забытых крестьян Турции. Наивно ища в религии спасения от нужды и кабалы, они шли за теми, кто выдавал себя за «Мехди», надеясь при их помощи добиться улучшения своего материального положения. Часть азербайджанских кочевых племен Малой Азии, которые беспощадно угнетались турецкими фео-

¹ «С идеей перехода власти к потомкам Али, — пишет И. П. Петрушевский, — в сознании масс связывалась идея о крушении существующего государственного порядка и о возвращении к первоначальному исламу с его, как представляли себе массы, патриархальными порядками. Предполагалось, что эти патриархальные порядки (в частности, отмена податей и повинностей, не основанных на шариате) будут восстановлены при возвращении имама Мехди, избавителя от нужды, горя и угнетения. Поэтому ожидание второго пришествия Мехди занимало видное место в народных движениях XIV—XV вв. Так, в Себеваре, центре движения хорасанских сербедеров, одно время на базаре ежедневно держали наготове оседланную белую лошадь на случай неожиданного появления Мехди». И. П. Петрушевский. Государства Азербайджана в XV в. Сб. статей по истории Азербайджана, вып. 1, 1949, стр. 203.

далами, активно выступала против турецких эксплуататоров. Эти восстания приобретали форму выступлений так называемых «кызылбашей» (последователей династии шейхов Сефевидов из Ардебильского государства) и проходили под флагом шиизма.

Наиболее известным восстанием кызылбашей в Анатолии является восстание, вспыхнувшее в конце правления Баязида II (1481—1512). По турецким источникам, восстание возглавил Карабиек-оглу из селения Эль-малы в санджаке Теке. По данным Шереф-хана Битлиси, он был сыном Хасан-халифа, последователя шейха Хейдара Сефеви и называл себя Шах-кулы (раб шаха), т. е. приверженцем шаха Исмаила; это прозвище враги его переделали в «Шайтан-кулы» (раб сатаны)¹. Эти краткие биографические данные о руководителе восстания дополняются еще сведениями Нолля, по словам которого он был выходцем из Азербайджана, кызылбашем из племени текелю².

По данным автора XVI в. Хасана Румлу, это восстание вспыхнуло в 917 г. хиджры (1511—1512 гг.)³ и носило характер народной борьбы против турецкого султаната. Основными лозунгами восставших крестьян были: освобождение от обременительных налогов, прекращение насилия и произвола властей, уничтожение писцовых книг и привилегированного положения феодалов, отказ от повиновения турецким властям.

Число восставших достигло сразу нескольких тысяч и продолжало увеличиваться за счет как азербайджанских, так и турецких и курдских крестьян. Соответственно расширялась территория восстания. Вождь повстанцев Шах-кулы говорил, что он не признает власти турецкого султана и создаст в восставших районах свое правление с новыми порядками. Повстанцы разгромили войска анатолийского бейлер-бея Карадоз-паши, посланного на их усмирение, и укрепились в районе Кызылкайя. Но им пришлось вскоре выдержать продолжительные бои с целой армией, отправленной на подавление восстания султаном Баязидом во главе с верховным везирем Хадим Али-пашой. Восставшие упорно оборонялись в течение 38 дней, но, не выдержав натиска превосходивших сил султанской армии, отступили в направлении к Сивасу. В районе реки Гок-су (между Сивасом и Кайсери) произошла решительная схватка с правительственными войсками, в которой повстанцы убили главнокомандующего армией султана Али-пашу, но сами потерпели поражение. По одним данным, Шах-кулы в этом бою был убит, по другим — он бежал с остатками повстанцев в Азербайджан.

В период правления султана Селима I (1512—1520) произошло еще более крупное восстание в восточной части Малой Азии под руководством крестьянина Нур Али. Нур Али выставлял такие же лозунги, что и Шах-кулы. Центрами восстаний были Шебин, Карахиссар и Никсар. Но восстание охватило и часть Лазистана, населенного местным населением — лазами, которым турецкие феодалы насильно навязали ислам в период своих завоевательных войн. С. Н. Джанашия отмечал, что после захвата турками в 1461 г. Трапезунта лазы сопротивлялись турецким поработителям еще в продолжение целого столетия⁴.

¹ Шереф-хан Битлиси. Шереф-намэ, изд. персидского текста Вельяминова-Зернова, т. II, СПб., 1862, стр. 135—136.

² Отрывок из не дошедшего до нас произведения английского историка Турции XVII в. Нолля (Knoll), Turkish history. London, 1687, 1, p. 315. Приведен у Э. Г. Броуна — A literary history of Persia, IV, p. 70—72.

³ Хасан Румлу. Ахсан-ат-таварих. Рукопись. Баку. Библиотека восточных рукописей Академии Наук Азербайджанской ССР.

⁴ «По историческим преданиям, сохранившимся у лазов, — пишет С. Н. Джанашия в своем кратком очерке «Лазистан», — получается, что Лазистан был окончательно завоеван турками в результате трехмесячных боев лишь при султани Селиме II

Поэтому в числе участников движения Нур Али можно было видеть и лазских крестьян. Лазы принимали в той или иной степени участие и в других крестьянских выступлениях, имевших место в Восточной Анатолии.

Число повстанцев Нур Али достигло 22 тыс. человек. Представляя собой грозную силу, они разбили наголову карательный отряд Зинан-паши, который был снаряжен принцем Ахмедом. Эта победа принесла Нур Али огромную популярность, он распространил свое влияние на большую территорию, освободив районы Токата и Амасьи из-под ига султанской власти. Несмотря на решительные меры, предпринятые султаном и местными феодалами, они не смогли окончательно подавить движение Нур Али, добились лишь некоторых частичных успехов. После нескольких стычек повстанцы Нур Али рассеялись для того, чтобы вскоре вновь подняться на борьбу.

И действительно, в 1519 г. дело Нур Али взялся продолжать шейх Джелали, начавший свою деятельность в окрестностях Токата. Он объявил себя «святым спасителем» и стал призывать народ объединиться для борьбы против Османского султаната, за отмену невыносимой эксплуатации и за лишение феодалов их привилегированного положения. Вокруг Джелали собралось свыше 20 тыс. конных и пеших повстанцев, создавших серьезную угрозу султанской власти. Все они приняли имя Джелали, которое стало в дальнейшей истории Турции нарицательным именем повстанца. Османские же правители называли их «шайтанами» и «разбойниками». Джелали дошли до Карахиссара и намерены были взять Анкару, но в этом районе им помешали войска феодала Шахсевар Али-бея. Вблизи Акшехира произошел ожесточенный бой джелали с упомянутыми войсками, в котором повстанцы, несмотря на свою отвагу и храбрость, оказались разбитыми. Сам шейх Джелали был схвачен и зверски казнен. Особенно большое рвение к подавлению этого восстания прилагали два турецких феодальных правителя, которые наперебой старались выслужиться перед султаном и получить награды за подавление движения джелали. Историк Сулак-заде сообщает, что против джелали были направлены сперва войска Фархад-паши, но они не сумели догнать джелали, которые, маневрируя и избегая боя, отступили в сторону Сиваса. Однако, они были подкараулены в пути и разбиты войсками Шахсевар Али-бея. Поэтому «лавры победы» достались последнему. Из-за этого, говорит Сулак-заде, Фархад-паша позавидовал своему сопернику, оклеветал его и добился уничтожения его рода¹. Движение джелали вызвало в то время большое беспокойство среди турецких правителей, которые вынуждены были приложить все усилия к тому, чтобы приостановить его распространение.

В 1525 г. в тех же районах вспыхнуло новое мощное восстание во главе с Соглун-оглу Коджа и Зуннун-оглу (или Баба Зуннун). По свидетельству летописца XVI в. Печеви, эти руководители крестьянского восстания были туркменами, но вокруг них объединилось, кроме туркменского населения, много турецких и курдских крестьян. Непосредственной причиной восстания явился обременительный налоговый пресс феодалов и жестокий произвол откупщиков. Ссылаясь на хронику Али-эфенди, Печеви утверждает, в частности, что «на земельную площадь Соглун-оглу был записан налог в 200 акче. Хотя он и обращался с просьбой снять 100 акче и оставить только половину, но не мог добиться разрешения вопроса с пользой для

(1566—1574 гг.); предание сохранило и имя одного из вождей борьбы лавов того времени за свободу и родную культуру — Петро Хециа».

¹ Сулак-заде. Тарих-ал-Осман. Истанбул, 1281 г. хиджры (1864—1865), стр. 414—415.

себя. По истечении времени у одного из его людей отрезали длинную бороду, (а других тоже) всячески преследовали. Не обращая внимания на их просьбы и жалобы, подвергли этих людей всяким унижениям»¹.

Повстанцы заняли все районы Киликии вплоть до Сиваса и освободили Артыкабад и Казабад. Они нанесли поражение войскам надменного Хуррем-паши (сына караманского бейлер-бея Искандера), который хвастливо и самоуверенно заявлял, что немедленно накажет восставших. Для этой цели он снарядил карательную экспедицию и взял с собой в поход свиту из влиятельных феодалов. Однако в бою он сам попал в руки восставших. Кроме того, были захвачены повстанцами «санджак-бей Ичеля (Мерсины) Бустанджи Али, правитель Кайсери Бахрем-бей, а многие из владельцев тимаров и зеаметов были частью убиты, частью взяты в плен»².

После этого восставшим пришлось испытать на себе удары объединенных сил бейлер-бея Румелии Хусейн-паши, правителя Мараша—Махмуд-паши и санджак-бея Малатии Искандер-паши. Несмотря на то, что феодалами была проведена большая подготовка и выработан определенный план карательной операции, им не удалось разгромить силы повстанцев. Так, перед боем, по предложению Хусейн-паши, одна часть войск была скрыта в засаде, а другая во главе с ним самим должна была атаковать восставших в лоб и погнать их в сторону засады. Однако отряд, оставленный в засаде, испугавшись какой-то ложной опасности, поспешно покинул свое место. Возможно, что о плане этой операции узнали повстанцы, принимавшие меры к его расстройству. Ясно одно, что когда повстанцы, приняв бой с Хусейн-пашой, отступили в сторону засады, там уже никого не оказалось, и растерявшееся командование султанских войск потеряло само на месте предполагавшейся ловушки более 400 человек.

Однако в следующем большом сражении со свежими силами Хусейн-паши восставшие потеряли более тысячи человек убитыми. В этом бою героически погиб также и Зуннун-оглу. Смерть любимого вождя вызвала у повстанцев еще большую ненависть к карателям и толкнула их на новые подвиги. Напрягая все свои силы, они нанесли султанским войскам решительный удар и заставили их отступить с большими потерями. Раненый Хусейн-паша бежал в Сивас, где и умер.

Лишь в 1526 г. под ударами новых карательных отрядов, прибывших под командой Хосров-паши и бейлер-бея Днарбекира, повстанцы вынуждены были рассеяться.

Восстания Соглун-оглу и Баба Зуннуна нашли отклик среди всех туркменских и юрюкских племен страны. Так, в одной из хроник отмечено, что на юге Малой Азии, в окрестностях Аданы и Тарсуса, восстали кочевые племена Коялы и Кара Исали, во главе которых стал некто Велихалифе. Но изолированность этого восстания от основных очагов крестьянского движения обрекла его на неудачу.

В 1526 г., т. е. через год после указанных событий, в районе Малатии вспыхнуло новое крестьянское восстание. Во главе его стал Календер-шах, происходивший из рода Хаджи-Бекташи, основателя шиитской секты бекташев. Он тоже выступил против турецкого феодального гнета под флагом сектантского учения, выдавая себя за «спасителя». Вокруг Календер-шаха собралось до 30 тыс. повстанцев, среди которых, кроме азербайджанцев из племени зулькадар, было также много туркмен, не забывших еще восстания Суглун-оглу Коджа и Зуннун-оглу, а также курдов, живших вокруг

¹ Ибрагим Печеви. Тарихи-Печеви, т. I. Истанбул, 1281 г. хиджры (1864—1865), стр. 118.

² Ибрагим Печеви. Указ. соч., стр. 118.

Мараша, Эльбистана и далее к востоку (общее число курдов в Турции тогда доходило примерно до 3 млн. человек). Восставшие выдвинули требования, отражавшие насущные нужды крестьянства, а именно: отмену обременительных налогов и наделение крестьян пахотной землей и пастбищами, которые в период завоевательных войн в Восточной Анатолии были отняты в пользу казны или пожалованы турецким феодалам как тимары. Сам Календер-шах, кроме того, стремился отделить восточные вилайеты от султаната и утвердить там свою власть.

Вооруженные силы повстанцев крепили с каждым днем. Вскоре им пришлось выдержать первый большой бой с султанскими войсками. Печевй сообщает, что по приказу султана верховный везирь Ибрагим-паша с 3 тыс. янычар и 2 тыс. сипахи пересек Скутари и прибыл в санджак Аксарай. Здесь присоединились к нему анатолийский бейлер-бей Бахрам-паша, караманский бейлер-бей Махмуд-паша и много местных займов и тимариотов. Противники встретились в местности Джанжалифа, недалеко от Малатьи. В этом бою повстанцы наголову разбили карательную экспедицию. Там нашли свою смерть многие феодальные правители — «упомянутый караманский бейлер-бей Махмуд-паша, бей Аллаийи, Амасии и Биледжика (Синан-бей, Коджа-бей и Мустафа), заведующие учетом тимаров по Анатолии и Караману Нух и шейх Мехмед»¹.

Это событие потрясло всех анатолийских феодалов. В то время обязанности бейлер-бея Карамана были переданы Иса-бею, который, боясь применить вновь вооруженную силу, решил изменить тактику борьбы с повстанцами. Он принял меры к тому, чтобы разложить и расколоть силы повстанцев изнутри. Прежде всего он объявил, что каждый, кто добровольно сдаст оружие и придет к нему со своими претензиями, будет встречен с почестями и получит полное удовлетворение своих требований. В частности, он обещал руководителям племен вернуть тимары, отнятые у них ранее в пользу казны. Эти обещания, подкрепленные некоторыми показательными актами, вскоре возымели свое действие: некоторые неустойчивые руководители туркменских, курдских племен и упомянутого азербайджанского племени сделались жертвой лживых обещаний Иса-бея. Они покинули Календер-шаха и тем самым ослабили его силы. Примеру обманутых племенных старейшин, уведивших из лагерь повстанцев, последовал и целый ряд других неустойчивых элементов. В результате этого, оставшиеся силы Календер-шаха не могли уже устоять против прибывших новых войск султана. В бою в степной местности, называвшейся Саз, отряды повстанцев были разбиты. Схваченные карателями Календер-шах, а также бей Зулькадарского племени Вали Дундар и др. были повешены, а пожалованные им земли отняты в пользу казны.

Таким образом, стихийность и неорганизованность крестьянского движения, неустойчивость и непоследовательность его руководителей и участников пагубно сказались на судьбе крестьянских восстаний в Турции XV—XVI вв.

Ввиду господства тогда религиозной идеологии, как уже упоминалось, эти движения были прикрыты религиозной оболочкой. В Турции борьба крестьянства протекала или под знаменем религиозного учения шейха Бедр-эд-дина Симавна-оглу, или же, в других случаях, — под знаменем шиитского учения о «спасителе Мехди», но всегда под религиозной оболочкой фактически происходила классовая борьба угнетенных с угнетателями. Ф. Энгельс писал по этому поводу:

¹ «Тарихи-Печевй», т. I, стр. 121.

«И во времена так называемых религиозных войн XVI столетия речь шла прежде всего о весьма определенных материальных классовых интересах; эти войны так же были проявлением борьбы классов, как и более поздние внутренние конфликты в Англии и Франции. Если эта классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»¹. И далее:

«Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековые. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»².

Лишь в мощных крестьянских восстаниях XVII в. в Турции мы уже не наблюдаем упомянутой религиозной оболочки движения. Предпосылками этих восстаний явилось тогда дальнейшее ухудшение положения крестьянских масс, связанное с начавшимся разложением турецкой феодальной системы.

Необходимо также отметить, что важной особенностью крестьянских восстаний в Турции, как в XV—XVI вв., так и в последующий период, является участие в них трудовых масс многочисленных народностей, подпавших под иго турецкого султаната. Они находились под двойным гнетом, ощущая на себе не только всю тяжесть господства центрального султанского правительства и его местных сатрапов, но и тех «собственных» феодалов, которые приняли ислам суннитского толка и прислуживали султану в качестве его агентуры. Поэтому в восстаниях принимали участие в разных частях страны и в разное время курды, лазы, армяне, туркмены, азербайджанцы, арабы, друзы, валахи, черногорцы, албанцы, болгары и другие народы. Они выступали или самостоятельно, или совместно с турецкими крестьянами. Но все они горели одинаковым желанием сбросить с себя ненавистное иго турецких феодалов и вернуть себе свободу.

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Госполитиздат. М., 1952, стр. 33.

² Там же, стр. 34.